

Б. Л. Шапиро

«ТЕРЛИКИ ДЕЛАНЫ К ГОСУДАРЬСКОЙ РАДОСТИ...»: МУЖСКАЯ ЕЗДОВАЯ ОДЕЖДА В МОСКОВИИ XVI–XVII в.

Костюм — один из самых ярких элементов в системе вещно-предметных атрибутов царской власти, которая складывалась в русской средневековой культуре. В этой системе мужские ездовые одежды, предназначенные для парадных выездов, как светских, военных, так и богомольных, имели особое место, поскольку являли собой наиболее презентабельные формы костюма.

Понимание важности и признание особого статуса всадника произошло в середине XVI в. [Михайлова, с. 477], когда пеший царский выход уступает место конному выезду. В XVII столетии традиция преимущества царского верхового выезда перед пешим шествием упрочилась, получив подкрепление в литературе; так, не случайно издание «Василиологиона», в котором царская доблесть напрямую связывалась с его состоятельностью как всадника [Николаев, с. 123, 125]. Торжественные конные процессии стали одними из самых грандиозных зрелищ этого времени. «Мы ждали увидеть что-нибудь необыкновенное, и не обманулись», — сообщает А. Лизек, очевидец царского Троицкого поезда в 1675 г.<sup>1</sup>

Итак, самый эффектный и выразительный образ сильного мира сего представлялся конным, а подходящий костюм помогал завершить, дополнить и улучшить этот образ. Перечень мужских верховых одежд XVI–XVII в. довольно обширный. Они различались по множеству признаков: назначению, покрою, типу материи, количеству декора. Современники разделяли одежду на исподнюю, среднюю и верхнюю, летнюю и зимнюю, теплую и холодную, светлую и черную и т. д. Отдельно выделяли одежды ездовые.

Государевы ездовые одежды состояли из нарядов, то есть комплектов, или костюмных комплексов. Одежды, входившие в «наряд», составляли полный костюм; русские цари располагали сотнями комплектов одежды. Кроме того, царский гардероб содержал и так называемые «занаряды», под которыми понимались отдельные некомплектные вещи.

Царские ездовые одежды разделялись сообразно сезону и колориту. Так, в Описях царской казны указываются «государевы летние ездовые занаряды» и «государевы зимние ездовые занаряды», а среди них уже выделялись «занаряды светлые» и «занаряды черные»<sup>2</sup>. Последние также носили название «смирные» и «панахидные», поскольку предназначались, соответственно, для ношения во время длительного траура и панихид (поминок). Насколько можно судить, многообразие «черных» ездовых одежд в целом соответствовало многообразию одежд «светлых»<sup>3</sup>.

Основу царского ездового костюмного комплекса на начало XVI в. составляли терлик и тегилай, которые были вариациями мужского кафтана [Забелин, 2014, с. 1042; Рабинович, с. 72].

Терлик известен с XV в., когда он встречается в документах дважды. Первое упоминание мы находим в Никоновской летописи под 1412 г., когда князь Василий Михайлович Кашинский «преже всех погна на кони в одном терлике»<sup>4</sup>. В это время терлик представляет собой узкий длинный кафтан, еще не имеющий самостоятельного значения, на что и указывает летописное свидетельство. Второй раз он появляется в духовной грамоте князя верейского и белозерского

<sup>1</sup> Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // ЖМНП. 1837. № 16. С. 364.

<sup>2</sup> Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. М., 1877. Вып. 1. С. 2–3.

<sup>3</sup> Там же. С. 201.

<sup>4</sup> Цит. по: Очерки русской культуры XIII–XV веков. М., 1969. Ч. 1. Материальная культура. Одежда. С. 289.

Михаила Андреевича, составленной около 1486 г. Согласно грамоте, зятю князя Осипу Дорогобужскому отошло весьма ценное имущество: икона и цепь из золота, аксамитная и соболья шубы и прочее; в числе богатого наследства был и терлик «камка голуба с пугвицами»<sup>5</sup> [Базилевич, с. 29].

Как и другие верховые одежды этого времени, терлик попал в Московию с Востока [Базилевич, с. 29], где этим словом обозначали халат, верхнюю одежду или одежду с короткими рукавами, открытую спереди [Забелин, 2014, с. 1005]. Терлик XVI в., как и ранее, узкий и длинный, достигающий до стопы. В последний раз одежды такого типа изображаются на рынках, сопровождающих участников обручения Дмитрия Самозванца с Мариной Мнишек в 1606 г. [Жабрева, с. 156].

Позднее, в первый же год правления Михаила Федоровича, когда на должность государевой стражи заступили юные боярские дети, длина терлика стала короче. В августе 1613 г. были закуплены материалы для одежд по новой моде: «Шапки песцовые белые, камка белая на кафтаны, серебро волоченное на нашивки к кафтанам и на завязки и кисти к завязкам к фerezям, белая мешина на сапоги, горностаинная опушка на терлики, кошачьи исподы под песцовые шапки, 4 меха заячьи под кафтаны, камка белая немецкая на терлики, шелк белый на завязки к рындиным фerezям» [Забелин, 2014, с. 1003]. В итоге «платье рындово» представляло собой следующий комплекс (из расчета на четверых, по Описи царской казны 1640 г.):

1) терлики: «4 терлика камчаты белыя, камка индейская... исподы черева песцовы белыя, опушка кругом и ожерелья горностаинные, на терлике по пяти гнезд, нашивки с кистми серебро с белым шолком»; «4 терлика отлас гвоздичной, подкладки киндячные, опушка поверх отласу около ожерелья собольи, нашивка по пяти гнезд шолк вишневы, а на иных гвоздичен»; «4 терлика на зайцах комчатые белыя», последние упомянуты дважды;

2) кушаки: «4 кушака кизылбашских полосы золоты с шелки розных цветов, 4 кушака кизылбашских полушолковых полосатых, 4 кушака тафтяных вишневы, четыре кушака тафтяных гвоздичных»;

3) шапки: «4 шапки рысьих, 4 шапки песцовых белых»;

4) сапоги: «трои сапоги сафьянные черные», «четверы сапоги лазоревые сафьянные» и «десетеры сапоги сафьянные белыя», последние упомянуты дважды;

5) шубы: «4 шубы горностаинныя под камкою под белою под куфтерем, опушены горностаими ж. У шубы по осии завязок с кистми серебро з белым шолком»; «четыре шубы на горностаех»; «4 шубы пупики сабольи под черным отласом, около по краем и на рукавах опушка соболья ж, у шубы по осмизавязок шолк черн с кистьми»; «4 верха отласных гвоздичной цвет а шиты были по государеву указу на рындовы шубы»<sup>6</sup>.

Отметим, что терлик XVII в., кроме большего объема и новой длины, приобрел и иной покрой: он стал отрезным в талии, со сборами на юбке и с рукавами особого узнаваемого силуэта — баллонообразными у оката с сужением к кисти. «Платье рындово» на основе терлика обзавелось еще и особым нагрудником-клапаном. Оно, как следует из Описи 1640 г., дополнялось неизменной опушкой из белого горностаия по полам и по подолу. «Холодные» рындовы терлики, предназначенные для ношения летом, атласные на киндячной подкладке, тоже окаймлялись опушкой из горностаия [Забелин, 2014, с. 1005].

В качестве царского наряда терлик выходит из моды, переместившись в область придворной униформы. Здесь, кроме царских телохранителей, терлики и одежды на основе терлика носили и другие государевы слуги — сокольничьи, ухабничьи, возничьи (в том числе и князья — представители знатных родов), а также царская «конная гвардия» — жильцы. Все те, чьим

<sup>5</sup> ДДГ. С. 312.

<sup>6</sup> Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М., 2014. С. 83–84.

служилым платьем были терлики — белые, гвоздичные, вишневые, малиновые, — объединялись в понятие «терлишники» [Левинсон-Нечаева, 1954, с. 316].

До сегодняшнего дня сохранились пять кафтанов такого типа, одинаковых по покрою, ткани и отделке. В описи Оружейной палаты они числятся под № 3673, где названы сокольничьими<sup>7</sup>. Известны (только по письменным источникам) и другие серии терликов. Пятнадцать терликов «с ожерельи сабольшими, полы и зады подложены по пояс, рукова и окола все опущены сабольшими ж... деланы к государьской радости»<sup>8</sup> фигурируют в Описи царской казны 1640 г. Они, вероятно, принадлежали царским возничьим или ухабничьим, так как перечисляются наряду с конским убранством.

Эта нарядная одежда многими современными исследователями рассматривается как первая униформа дворцового персонала [Амелехина, Бобровницкая, Моршакова, с. 130–131; Левинсон-Нечаева, 1954, с. 314; Летин, Вилинбахов, с. 17–18]. Несомненно, пышно одетая свита способствовала большей торжественности выезда, а вышитые золотом на униформе государственные символы явственно обозначали принадлежность ее носителей к царской власти.

Стоит отметить, что в исследуемое время эффект, произведенный царским сопровождением, напрямую связывали с численностью этого сопровождения, вследствие чего «теснота людская» [Забелин, 2014, с. 437] вокруг царской персоны со временем только увеличивалась в размерах. В 1549 г., при походе на Казань, личную свиту царя составляло 49 человек [Бартенев, с. 217]; в 1563 г. «за государем ездити» и «быти всегда на Москве, при государе безотступно»<sup>9</sup> было назначено 53 человека [Михайлова, с. 378]. Однако есть неофициальные свидетельства о сопровождении Ивана Грозного в 1564 г. свитой в 800 человек. Из них в униформу — горлатные шапки из белого бархата с жемчугом и серебром, опущенные рысьим мехом, одежды из серебристой ткани, с большими серебряными же пуговицами, подбитые горностаями, и белые сапоги с подковами — были одеты только четверо ближайших к царю телохранителей<sup>10</sup>. Образование в последующие годы «конной гвардии» опричников позволило увеличить эту цифру сначала до тысячи, а потом и до 6 тысяч человек, что ясно выражало стремление придать максимально возможный «блеск и значение» [Бартенев, с. 218, 220] не только монарху, но и пространству вокруг него. Поэтому царская свита зачастую увеличивалась искусственно.

Английский посланник приор Джерио, бывший в Московии в правление Ивана Грозного, рассказывал о царском выезде, свидетелем которого ему довелось побывать. Процессия состояла из трех тысяч стрельцов («*tri mila Archibugieri*»), за которыми ехал шут верхом на быке и следом еще один в золотых одеждах («*poi seguitava il Suo buffone a cavallo a un bove, et un altro vestito di oro*»), после которых следовал сам государь; выезд завершался группой из чуть менее чем четырех тысяч верховых опричников («*circa guattro mila cavalla*»)<sup>11</sup>. Если рассматривать состав этого выезда с точки зрения антиповедения, которое у Ивана Грозного приобрело особенно широкие и символические формы [Успенский, с. 466], стоит отметить, что включение в процессию не просто шута, но шута верхом на быке приобретает отчетливый смысл глумления над официальным церемониалом. Приведенное свидетельство относится к 1570 г., когда антиповедение монарха достигает высшей точки [Шапиро].

<sup>7</sup> Описание Московской Оружейной палаты: в 7 ч. [10 кн.]. М., 1884. Ч. 2. Кн. 3. Посуда раковинная, костяная, каменная, кокосовая и проч. Древняя домашняя утварь. Мебель и одежда. С. 202–203.

<sup>8</sup> Описание царской казны на Казенном дворе 1640 года. С. 83.

<sup>9</sup> Записка о Царском дворе, церковном чинопочинании, придворных чинах, Приказах, войске, городах и проч. // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613). С. 422.

<sup>10</sup> Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 27.

<sup>11</sup> Донесение Венецианскому Дожу от посланного из Венеции английского приора Джерио о приеме польским послом у Царя Московского и набегах Татар на его земли. 1570 // Тургенев А. И. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек: в 2 т. СПб., 1841. Т. 1. С. 214.

О ездовой одежде шутов этого царского поезда, как и других выездов XVI в., ничего не известно. Однако имеются свидетельства более поздние. Согласно Расходным кроильным книгам платью и церковным облачениям за 1621–1622 г., «карле Ваське Григорьеву скроен кафтан ездной в сукне в аглинском в зеленом<sup>12</sup>. Сукна пошло 2 аршина... в плечах пол-аршина, длина аршин... Да нашивка... шолк зелен с полузолотьем... да на подпушку пошло аршин киндяку зеленого»<sup>13</sup>. Одежды для этой категории «государевых слуг» не только изготавливались из самой простой материи, но и декорировались по сходному принципу «полузолотьем», то есть мишурой, «муширной» отделкой из золоченой меди [Левинсон-Нечаева, 1941, с. 183].

Что касается бытования в этой среде специальных верховых одежд, то, судя по имеющимся материалам<sup>14</sup>, «ездной» или «проезжий»<sup>15</sup> кафтан для карлика был изготовлен только единожды. Кроме того, в Расходных книгах упоминаются «немецкие кафтаны на карл»<sup>16</sup>; учитывая, что ездовые вещи изредка назывались немецкими<sup>17</sup>, можно причислить и их к этой категории.

Поскольку известного образца ездового кафтана такого типа, судя по всему, не было выработано, можно предположить, что «кафтан ездной» Василия Григорьева представлял собой терлик, конструктивно приближенный к полноразмерным одеждам. Это позволяло визуально обозначить право шута на присутствие в царской кавалькаде. Данное предположение косвенно подтверждается документальными свидетельствами об изготовлении царским карлам единообразных одежд [Левинсон-Нечаева, 1954, с. 314]. Кроме того, известно, что в 1680 г. придворные шуты участвуют в Троицком походе наравне с прочими. Они едут в бархатных кафтанах, среди четырех сотен конных стрельцов в алых кафтанах с золотыми и серебряными нашивками и двадцати человек Конюшенного приказа, которые следовали около государя в объяринных золотных и серебряных и объяринных гладких терликах [Забелин, 2014, с. 1006; Левинсон-Нечаева, 1954, с. 314].

Интересно, что свита, одетая в терлики, согласно придворной моде, сопровождала и лиц, не имеющих царского сана. «Два терлика людских, сукно коришневое, на собольих лапах, переды опущены огонками, по вороту по шти гнезд нашивки золотной длинной, пугвицы обшивныя, а в рукавах испод белей черевей, поношены» и «два ж терлика, ветхи, сукно красное, на лисьих лапах, по вороту на одном 14 гнезд, нашивки золото с серебром, длинной, пугвицы обшиты; а на другом терлике 12 гнезд, по передам опущены огонками, на прорезах у обоих нашивки такие ж по гнезду» отмечены в описи имущества князей Голицыных<sup>18</sup>. В «пожитках» конюшего и ближнего боярина Бориса Федоровича Годунова, согласно описи 1588 г., отмечены три «людских» терлика: один из бархата и два из сукна<sup>19</sup>.

Возвращаясь к конструктивным особенностям терлика, выделим среди одежд XVI в. «терлик безрукав»<sup>20</sup>, сходный назначением с европейским камзолом. У такого терлика, как и у

<sup>12</sup> По Расходной книге товарам № 207 – в червчатом сукне.

<sup>13</sup> Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. С. 144–145.

<sup>14</sup> Записки касательно дураков, уродивых и др. // Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Т. 1. Ч. 2. С. 651–658; [Записки касательно] верховых нищих, карл, арапов, псарей и др. // Там же. С. 667–686.

<sup>15</sup> [Записки касательно] верховых нищих, карл, арапов, псарей и др. С. 673.

<sup>16</sup> Там же. С. 684.

<sup>17</sup> Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. С. 199.

<sup>18</sup> Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на их московском большом и на загородных дворах, что за Никитскими воротами, и привозных // Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т. 4. Стб. 61–62.

<sup>19</sup> Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб., 1865. С. 47; «Пожитки» Бориса Федоровича Годунова // Бартеков С. П. Московский Кремль в старину и теперь: в 2 кн. М., 1912. Кн. 2. Государев двор. Дом Рюриковичей. С. 266.

<sup>20</sup> Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 161.

камзола, могли подшиваться временные рукава, в том числе и из другой материи [Костомаров, с. 66]. Такой «терлик без рукав с спорка Царевичевской Иванова, камка кизылбашская на голуби розные шолки мужики и птицы» мог принадлежать Ивану Грозному<sup>21</sup>.

В это же время встречаются упоминания о терликах, простеганных полностью или частично. Так, «терлик отласен багров плечи стеганы» и «терлик камка зелена стеган» упоминаются в духовной Григория Русинова, написанной им в июне 1521 — январе 1522 г.<sup>22</sup> «Терлик хандрячен стеган» упоминается в числе воинского снаряжения в духовной Захарьи Катунина от декабря 1519 г.<sup>23</sup>, а «терлик хандрячен стеган в частую стеж» стал частью богатого вклада Ивана Вороного в Троице-Сергиев монастырь в 1541 г.<sup>24</sup> «Терлик камка голуба, стеган» числится в составе вклада в этот же монастырь, сделанного в январе 1517 г. князем Дмитрием Пронским; и здесь терлик соседствует с другими ценными вещами, например с дымчатой атласной шубой на соболях<sup>25</sup>. В августе 1534 г. ногайские мурзы включили «терлик стеган» [Кусайнова, с. 197] в список запросных поминков, которые им следовало получить от московского государя; здесь стеганный терлик рассматривается как статусная одежда и противопоставляется прежним «мельким» подаркам.

Область бытования терлика была широка, о чем свидетельствует значительный разброс тканей, из которых он выполнялся. В царском гардеробе, согласно описи 1640 г., замечен «терлик олтабасной»<sup>26</sup>, в то время как известны более чем демократичные «терлик крашенин» и «терлик безинен» (бязинен)<sup>27</sup> [Репьева, с. 40]. Последние, вероятно, некогда были частью воинского снаряжения, судя по упомянутым выше текстам духовных Г. Русинова и З. Катунина. Особенно выразителен текст последней: «Дал есми сыну своему Степану... терлик хандрячен стеган да пансырь... Да сыну своему Петру... терлик тафта голуба, да шолом и наручи с ымянем...»<sup>28</sup>.

Знали военные терлики и в придворном обиходе: так, в царской казне числились «терлики походные. Два терлика бархоту гладково червчетые на соболях, ожерелья соболя ж, нашивки золоты с кистми, на вороту по штинадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре гнезда, а у другово по три гнезда... Два терлика бархоту черново гладково на соболах, ожерелья соболя ж, нашивка шолк гвоздичной с кистми, на вороту по осминадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре, а у другово по три гнезда. Два терлика суконные багрецовые на собалех, ожерелья саболя ж, нашивка серебрена с кистми, на воротех по штинадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре, а у другово по три гнезда. Два терлика суконныя темно-синия на собалех, ожерелья саболя ж, нашивка шолкова лазорева с кистми, на воротех по штинадцати гнезд, на мышках у обеих по три гнезда»<sup>29</sup>.

Стоит отметить, что терлик использовался в качестве свадебной одежды для жениха и его окружения; такие одежды выполнялись из цветных и золотных материй [Рабинович, с. 107]. В ярких нарядных терликах, подбитых соболями, шествовали перед невестой стольники в роли свечников, коровайников и фонарников на свадьбах царя Михаила Федоровича в 1626 г. и царя Алексея Михайловича в 1648 г., когда «и за столы сажалися в терликах» [Забелин, 2014, с. 1005].

<sup>21</sup> Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 16.

<sup>22</sup> Акты Русского государства. 1505–1526. М., 1975. С. 199.

<sup>23</sup> Там же. С. 174–176.

<sup>24</sup> Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 85.

<sup>25</sup> Там же. С. 45.

<sup>26</sup> Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. С. 83.

<sup>27</sup> Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 360.

<sup>28</sup> Акты Русского государства. 1505–1526. С. 174–176.

<sup>29</sup> Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. С. 84.

В последний раз терлики встречаются в марте 1692 г.: в них были одеты 60 жильцов, несших караул на Красном крыльце и в Грановитых сенях при приеме персидского посла [Забелин, 2014, с. 1006].

Другая мужская ездая одежда, тегиляй, отличалась от прочих множеством пуговиц: известны варианты, рассчитанные на 46, 48, 56 и 68 штук. Наиболее эффектные тегиляй принадлежали Ивану Грозному: «тегиляй бархат венедейцкой шелк червчат да зелен с золотом и с петлями, на нем 46 пуговиц золоты сенчаты резаны на проем с жемчуги», «тегиляй бархат венедейцкой лазорев листки золоты, на нем 48 пуговиц золоты чешуйчаты с чернью», «тегиляй бархат венедейцкой ценинен с золотом и с петлями, на нем 56 пуговиц золоты продолговаты сенчаты с жемчуги» и «тегиляй бархат венедейцкой на бели чубар с розными шолки, а на нем 68 пуговиц золоты, травки резаны с чернью»<sup>30</sup>.

Известны тегиляй с меньшим числом пуговиц или даже вовсе без пуговиц [Бартенев, с. 249]. Таков был тегиляй из занарядов царевича Ивана Ивановича: «бархат венедейцкой червчат гладкой с круживом пугвицы серебряны золочены уголчаты»<sup>31</sup>. Рассматривая этот пример, нужно учесть специфику «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича...», где упомянут данный тегиляй. Известно, что текст представляет собой перечень статей с описанием отдельных предметов царской казны, в основном тех из них, которые были помечены в описях как утраченные полностью или утратившие какие-либо детали, либо находящиеся в ремонте, либо заказанные для государя, но еще не изготовленные [Жаринов, с. 179–180].

Первое упоминание о тегиляях относится к 1489 г. [Шиндлер, с. 467]. Известно, что эта одежда имела монгольское происхождение; она попала в Московию от тюркских огузов через посредничество крымчаков и ногайцев [Горелик, с. 249–250]. Пик «моды» на тегиляй, судя по количеству появлений в письменных источниках, пришелся на 1550–1570-е годы, после чего их популярность постепенно затухает; в последний раз тегиляй упоминаются в 1598 г. [Комаров, с. 437], когда они фигурируют уже не как боевое снаряжение, а как парадная одежда.

В таком качестве тегиляй характеризуют прежде всего статусное потребление. Так, в ездом гардеробе Ивана Грозного, который, по словам современников, «одевался богато, выше всякой меры»<sup>32</sup> и по «Описи домашнему имуществу...», где были сведены данные за 1582–1584 г., было не менее четырех тегиляев из роскошного венецианского бархата. У царевича Ивана Ивановича было не менее девяти тегиляев<sup>33</sup>, в том числе с горностаевой отделкой. Тегиляй имели место и в гардеробах других правителей XVI в.; так, «тегиляишко камчато желто да тегиляишко камчато сине» фигурируют в качестве вклада царя Федора Ивановича в Симонов монастырь в 1586 г.<sup>34</sup>

Встречаются тегиляй и в ближайшем царском окружении. Два бархатных тегиляя: «червчат кармазин» и «червчат, около ево круживо медяно, а в кружеве шолк червчат да зелен» — упоминаются в составе людской одежды в описи имущества Бориса Годунова от 1588 г. [Вельтман, с. 60]. Бытовали они и вне придворной среды. Так, тегиляй наравне с терликами входят в список имущества некоего Василия Уского (Есипова), жившего на Волоке в начале XVI в. Известно, что семья Уского владела «достаточным богатством, чтобы ссуживать волоцких князей и их бояр» [Чернов, с. 85, 87]. Тегиляй и «тегиляй толстые» числились в служебном наряде «коломнич князей и детей боярских» в 1577 г. [Сторожев, с. 1, 52]. Очевидно, что коломенские тегиляй были ездаяй одеждой, имеющей репутацию «платья, употреблявшегося

<sup>30</sup> Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов. С. 21–22.

<sup>31</sup> Там же. С. 33.

<sup>32</sup> Ченслер Р. Известия англичан о России во второй половине XVI века // ЧОИДР. 1884. № 4. С. 5.

<sup>33</sup> Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов. С. 21–22, 32–33.

<sup>34</sup> Алексеев А. И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 27.

такими ратниками, которые, по бедности, не были в состоянии явиться на службу в доспехе» [Висковатов, с. 32].

Как воинская одежда тегиляя носились весьма разнообразно: как самостоятельная защита, как поддоспешник; тегиляя из дорогих эффектных тканей надевались и поверх доспеха (пансыря) [Комаров, с. 437]. Эта вариативность считалась существенной характеристикой тегиляя. Известно, что в качестве мягкого доспеха или заменителя полноценного доспеха он подкладывался металлическими пластинами, кольчужным полотном, пенькой, очесами или деревенским сукном, после чего простегивался [Висковатов, с. 32; Забелин, 2014, с. 1045].

Бытовало три типа тегиляев: толстые, стандартные и тонкие [Шиндлер, с. 467]; кроме толщины внутреннего слоя, они различались качеством материи и богатством отделки. Зимние тегиляя, как и прочая ездая одежда, подбивались и (или) окаймлялись мехом; меха при этом подбирались соответствующие уровню одежды, но при этом легкие, «пупки» и «черева», не затрудняющие своим весом движений всадника и воина. Это правило выполнялось при подборе материалов и для других верховых одежд.

Более детальная история тегиляя пока остается terra incognita, ее изучение осложняется отсутствием археологического материала и не слишком обширным иллюстративным материалом. Это:

1) картина неизвестного автора круга Лукаса Кранаха Старшего, изображающая битву под Оршей в сентябре 1514 г., созданная около 1524–1530 г. [Кирпичников, с. 4];

2) рисунки, сделанные со слов Сигизмунда Герберштейна Августинум Хиршфогелем в 1544–1547 г. и опубликованные в «Записках о Московии» в 1549 г. и в базельском издании 1556 г.<sup>35</sup>;

3) русские всадники Абрахама де Брюна 1576 г.<sup>36</sup>;

4) «*eqves moscoviticus*» Йоста Аммана 1577 г.<sup>37</sup>;

5) «*moscovita soldato a cavallo*» Чезаре Вечеллио 1590 г.<sup>38</sup>

Авторы рисунков трех последних источников были хорошо знакомы с «Записками», поскольку в этих четырех произведениях обнаруживается ряд общих моментов.

Судя по немногим имеющимся материалам, можно сделать вывод, что под тегиляем в XVI в. понимали кафтан, длинные, ниже колен, полы которого были снабжены разрезами; он имел короткие рукава и высокий плотный воротник, защищавший шею и частично голову всадника. В XVII в. тегиляй не встречается.

Схожий покрой — удлиненные полы с боковыми разрезами, высокий воротник и короткие рукава — имела и чуга, другая разновидность одежды, предназначенной для верховой езды и ратной битвы. Однако, в отличие от тегиляя, у нее не было плотной простежки и в целом она была схожа с ездовым кафтаном, узким, с перехватом в талии (который как одежда, более характерная для XVII в., будет рассмотрен ниже) [Рабинович, с. 74].

Чуга чаще прочих ездовых одежд выделялась дорогими тканями и богатыми уборами. В виде ее декора выступали мужские съёмные ожерелья различной ширины и дороговизны; так, у князя Василия Голицына было ожерелье из 25 звеньев с алмазом на каждом, соединенных между собой «малыми итальянскими зернами» [Бакланова, с. 93], а среди имущества новгородского воеводы Михаила Татищева значилось «ожерелье пристежное жемчужное мужское, 5 шахматов снизано по отласу по червчату, у него 3 зерна»<sup>39</sup>.

<sup>35</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 7, 50, 113.

<sup>36</sup> Bruyn A. *Diversarum gentium armatura equestris*. Cologne, 1577. P. 23–24, 26.

<sup>37</sup> Amman J., Weigel H. *Habitus praecipuorum populorum tam virorum quam feminarum singulari arte depicti*. Nuremberg, 1577. P. 148.

<sup>38</sup> Vecellio C. *De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo*. Venetia, 1590. P. 357–358.

<sup>39</sup> Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. С. 36.

Чуги украшались также нагрудными нашивками с петлями и пуговицами (число их варьировалось от 8 до 26), металлическими бляхами «аламами», крепившимися на груди, плечах и спине, жемчужным низаньем и шитьем канителью [Забелин, 2014, с. 997]. Одна такая сверхбогато украшенная чуга принадлежала царю Алексею Михайловичу: «Отлас золотной по червчатой земле, оксамичен; подпушка отлас по серебряной земле травы золоты; подкладка тафта зелена; круживо и чеги низаны жемчугом с канителью по вишневому бархаты; да на той же чюге на грудях и на плечах нашито четыре круга: в том числе два круга, в них низаны кресты и коруны с яхонты червчатыми и с изумруды; два ж круга, в них низаны орлы, в орлах в грудях по яхонтику червчатому в золотых гнездах, да под передним кругом две пугвицы обнизаны жемчугом»<sup>40</sup>.

Очевидно, что это было необычное платье, подчеркивающее особый статус своего владельца: не случайно «чюги турецкие золотные» упоминаются в описях не только личного имущества богатейших частных лиц, но и в описях государственной казны. Так, в Описях царской казны 1640 г. чуги перемежаются с платнами, не столько одеждami, сколько царскими регалиями, которые составляли часть Большого наряда и символизировали собой царскую власть. Это турецкие (турские) чуги из золотного атласа разных цветов, преимущественно темно-красного, лазоревого и белого. В этом списке стоит отметить чугу «з долгими рукавы отласная по лазоревой земле золото обвод серебрян»<sup>41</sup>, которая встречается среди ездовых одежд довольно редко. Такова была, например, чуга «турская, с долгими рукавами, отлас золотной по лазоревой земле, обвода около золота серебряна», что упоминается в числе одежд царевича Алексея Михайловича<sup>42</sup>.

Именно в силу конструктивных особенностей дополнительными украшениями, характерными только для костюмного комплекса, включающего в себя чугу, выступали рукава нижней одежды, зипуна, которые были хорошо видимы под широкими и короткими по локоть рукавами чуги. Так, у царя Алексея Михайловича, при котором пышность ездовых одежд достигла своего предела, был зипун «объярь серебряна травки золоты, старого дела, подкладка тафтяна светлозелена, подпушка камка червчата травная, пуговицы обнизаны жемчугом, у него обнизь бархат червчат двоemorх обнизано жемчугом большим гурмыцким с изумруды, морхи обнизаны скатным жемчугом мелким»<sup>43</sup>. Этот зипун был частью нарядов, выбранных царем для военного смотра на Девичьем поле летом 1653 г. Само мероприятие запомнилось современникам прежде всего богатством одежд, когда «подавалось платье одно утром до обеда и другое вечером после обеда. И то и другое блистало всем богатством и всею красотою, которыми в этом случае окружал себя молодой государь» [Забелин, 2014, с. 1030].

Именно для чуги изготавливались зипуны с рукавами из более богатой материи, нежели основная ткань; в гардеробе Алексея Михайловича был зипун со станом из алой тафты и с рукавами из серебряной объяри<sup>44</sup>.

В XVI в. чуге предшествовал «кафтан с короткими рукавы». Так, «кафтан с короткими рукавы 30 пуговиц» числится в описи имущества Ивана Грозного [Забелин, 1915, с. 845]. «Кафтанец короткий», покроем схожий с чугой, в XVI столетии «в ездвом платье занимает свое место постоянно» [Забелин, 2014, с. 1042]. Так, 10 коротких бархатных кафтанцев «с

---

<sup>40</sup> Платье и некоторые вещи царя Алексея Михайловича 1676 года // Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... С. 70.

<sup>41</sup> Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. С. 85–86.

<sup>42</sup> Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 года // Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... С. 116.

<sup>43</sup> Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844. С. 285.

<sup>44</sup> Там же. С. 504.

золотом и с петлями» имелись в гардеробе Ивана Грозного<sup>45</sup>. Вероятно, оба варианта обозначали одну и ту же одежду, судя по описи одного из таких кафтанцев: «Кафтан сделати с короткими рукавы, бархат венединцкой зелен клетчат, круживо широко золото и серебро делано на проем. Пуговицы на него золоты с царевичевы Ивановы шубы, бархат бурской червчат да зелен с золотом и с серебром, круги к тому приделати, всего нашиты тритцеть»<sup>46</sup>.

Появление собственно чуги на Руси связывают с женитьбой Ивана Грозного на «черкас пятигорских девице»<sup>47</sup> Марии Темрюковне в 1561 г. Вместе с княжной в Московию прибыло немало северокавказских щеголей, чьи традиционные чохи и послужили прототипом новой ездовой одежды [Рабинович, с. 74]. Родство чуги и чохи подтверждается этимологически, как и тюркское происхождение обеих одежд<sup>48</sup> [Добродомов, с. 18]. Высказывалась версия о происхождении чуги с Запада через польское посредничество [Добродомов, с. 18], что косвенно могло быть подтверждено наличием некоторого количества чуг в гардеробе боярина Никиты Романова — человека, известного предпочтением европейской культуры всем прочим. Ему принадлежали четыре бархатные, одна суконная и одна камчатая чуги<sup>49</sup>.

Однако такое же или примерно такое же количество чуг находилось в гардеробах и других влиятельных лиц государства. Шесть чуг было у царя Михаила Федоровича в 1630—1633 г. [Забелин, 2014, с. 1017]. Пять чуг числятся среди пожалованного царицей Евдокией Лукьяновной платья своему сыну царевичу Алексею Михайловичу<sup>50</sup>.

Интересно, что некоторое количество чуг имелось даже у малолетнего царевича Ивана Михайловича, умершего в возрасте пяти лет. Он владел довольно обширным для своего возраста собственным ездовым гардеробом, приспособленным к различным обстоятельствам и временам года: ему принадлежали чуги обычные, теплые и холодные, ездовой панахидный кафтан, ездовые фережи и ездовые шубы. Возможно, такое изобилие было связано с тем, что царевича готовили к обряду «посаждения на конь», который в царской семье проводился при достижении мальчиком 4—5 лет. После смерти царевича в 1639 г. детский ездовой гардероб бережно сохранялся; летом 1655 г. он был передан царевичу Алексею Алексеевичу, которому на тот момент не исполнилось и полутора лет<sup>51</sup>.

Чуга из объяри «по серебряной земле, по ней травы золоты с серебром» принадлежала, согласно (посмертной?) описи его утвари и платья от 1682 г., царю-лошаднику Федору Алексеевичу; чуга была украшена серебряным же плетеным кружевом<sup>52</sup>. Известно, что царь Федор отличался более тонким вкусом, чем его предшественники, о чем свидетельствует и это платье, выполненное в деликатном, но при этом весьма эффектном художественном стиле «серебром и золотом по серебру».

Абсолютное первенство по количеству чуг в гардеробе принадлежало царю Алексею Михайловичу. Так, в «Выходах государей царей и великих князей...» за ним отмечено 40 простых чуг, две холодные и две теплые чуги, все сделанные из богатейших привозных материй<sup>53</sup>. «Все, что было наиболее ценного и изысканного в области ткацкого производства Запада и Востока, можно

<sup>45</sup> Домашнее имущество царя Ивана Васильевича Грозного по исполной описи, составленной из списков 90 и 91 годов XVI века // Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. С. 199.

<sup>46</sup> Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов. С. 14.

<sup>47</sup> Богуславский В. В. Славянская энциклопедия. XVII век: в 2-х т. М., 2004. Т. 1. А—М. С. 698.

<sup>48</sup> Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 373.

<sup>49</sup> Все шесть чуг см.: Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 57—58, 113.

<sup>50</sup> Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 года. С. 116—117.

<sup>51</sup> Опись платья и книг царевича Ивана Михайловича // Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. С. 593—594.

<sup>52</sup> Царская утварь и платье царя Федора Алексеевича 1682 года // Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... С. 86.

<sup>53</sup> Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей...

найти в описях царского платья», — отмечает М. Н. Левинсон-Нечаева, анализируя одежду и текстиль позднего русского Средневековья [Левинсон-Нечаева, 1954, с. 336]. Документы этого времени пестрят названиями привозных тканей: турецких, иранских, ширванских, китайских, испанских, французских и итальянских. В XVII в. существовало местное производство льняных миткалей, шелковых байберексов и бархатов [Левинсон-Нечаева, 1954, с. 384]. Шуба «бархат двуморхой московское дело по серебряной земле» принадлежала Михаилу Федоровичу; она надевалась царем в 1638 г. по случаю именин его младшей дочери царевны Татьяны<sup>54</sup>.

Самыми эффектными были одежды, изготовленные из золото-серебряного шелка. Именно по их наличию при московском дворе распределялись места в царском окружении и выстраивалась иерархия власти. В пример можно привести церемонию пасхального шествия в 1683 г., когда за царями Иваном и Петром «шли бояре и окольничие и думные и ближние люди, а после стольники и стряпчие и дворяне и дьяки, которые были в золотных кафтанах; а у которых золотных кафтанов не было, и те в соборную церковь никто не входили. И для того у церковных дверей поставлены были полуполковники стрелецкие, чтоб никакое человек без золотных кафтанов и иных никаких чинов и боярских людей в церковь не входили»<sup>55</sup>.

Высокая стоимость золотного шелка, который даже в царском быту понимался как значительная ценность, стала причиной широкого распространения «второго кроя». Второкройные одежды встречались часто, поскольку, судя по имеющимся археологическим материалам, одежды XVI–XVII в. имели общую прямокройную конструкцию. Так, например, в 1634 и 1637 г. чуги Михаила Федоровича «участок по зеленой земле» и «бархат золотной червчат» переделывались в платна<sup>56</sup>.

Случалось, что поводом для переделки становилась смерть прежнего владельца. Так, после кончины Михаила Федоровича в сентябре 1646 г. из его ездовых кафтанов были сделаны чуги для нового царя [Забелин, 2014, с. 988]. Эта практика не была особенностью XVII в.; например, сохранилось указание изготовить для Ивана Грозного одежду «из Царевичевского Иванова спорка бархат Венедицкой на бели шолк лазорев рыт, шити и оксамитити золотом и серебром от летнего от 21-го наряду»<sup>57</sup>.

Кроме того, одежды, выполненные из дорогих тканей, передавались в монастыри в качестве заупокойного вклада в поминовение души новопреставленного раба Божия. Практика вкладов по душе для заупокойного церковного поминовения была обыкновенной для православия, для чего из имущества покойного выделялась часть имущества на помин.

Интересно, что ездовые одежды, находясь среди таких вкладов, почти неизменно дополнялись верховыми или, реже, упряжными лошадьми:

1) в 1533 г. «по Михайле Елизарове дано вкладу конь бур иноход... Терлик камка червчата... у него 18 пугвиц серебряных»<sup>58</sup>;

2) в 1535 г. «дала вкладу Василиса Иванова жена Манасейна по сыне своем Григорье... терлик тафтян червчат да 3 коня»<sup>59</sup>; «дал вкладу Федор Бурцов... терлик камка зелена куфтерь да мерин»<sup>60</sup>; «по князе Федоре Оболенском дала вкладу княгиня ево Ирина... терлик тафтян лазорев, пугвицы серебряны, да конь рыж»<sup>61</sup>; «дал вкладу Верецага... терлик камчат безрукав, а на нем 6 пугвиц серебряных... да 3 коня»<sup>62</sup>;

---

<sup>54</sup> Там же. С. 59.

<sup>55</sup> Цит. по: [Левинсон-Нечаева, 1954, с. 361].

<sup>56</sup> Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей... С. 30, 48.

<sup>57</sup> Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов. С. 19.

<sup>58</sup> Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 49.

<sup>59</sup> Там же. С. 74.

<sup>60</sup> Там же.

<sup>61</sup> Там же. С. 58.

<sup>62</sup> Там же. С. 161.

3) в 1542 г. «Дмитрий Милославской дал вкладу за себя мерин булан да... терлик отласной»<sup>63</sup>;

4) в 1544 г. слуга Троице-Сергиева монастыря «Иван, прозвище Обляз, Соколов дал вкладу... терлик байберечен... терлик тафта зелена, конь гнед, мерин сер»<sup>64</sup>;

5) в 1545 г. «Данило Выродков дал вкладу... иноходец, да санник, терлик тафта двоелична»<sup>65</sup>;

6) в 1649 г. старец Ианисфор Беклемишев дал вклад «чюга бархат червчат рытой, нашивка золотная, полы подбиты дорогами... аргамак ворон, грива направо, сросл, на левом боку болонка»<sup>66</sup>.

Ездовые одежды также были частью вкладов, которые образно можно назвать «воинскими»:

1) в 1534 г. «дал вкладу Иван Семенович Батюшков по брате своем Григорье... терлик камка червчата куфтерь, у него 21 пугвица медные позолочены, да конь в седле, да саадак, да саблю»<sup>67</sup>;

2) в 1626–1627 г. «по боярине князе Иване Васильевиче Голицыне дала вкладу княгиня ево Ульяна Ивановна 32 кобылицы нагайских, да жеребец гнед, да санник сер... Да платья: чюга рыбчата отлас золотной... 2 сабли, оправные... И всего по боярине князь Иване Васильевиче вкладу... платья и лошадей на 500 рублей»<sup>68</sup>;

3) в 1656 г. «князь Фаддеевская жена Романовича Шаховского княгиня Анна Андреевна с сыном своим князь Иваном Фаддеевичем дали вкладу... по муже своем, а сын ее по отце своем... саблю полоса польская, оправа серебряная золочена, латы с зарукавьем да платья: чюга бархат черной, нашивка золотная»<sup>69</sup>.

Отметим, что в дарах и вкладах XVII в. чюга сменила терлик, так как он вышел из круга статусного потребления. Сама же она, пробыв при московском дворе более столетия, выходит из моды во время правления Федора Алексеевича; ей на смену пришли другие формы, более удобные для современной жизни. Хорошо известно, что царь запретил ношение традиционного парадного костюма, поскольку «старые одежды были долги, прилично женскому платью, и к служилому и дорожному времени непотребны»<sup>70</sup>. Заменой морально устаревшим одеждам было избрано укороченное платье, адаптированное к нуждам деятельного, прежде всего ратного, человека.

Сходным образом изменяется и внешний вид ездового кафтана — одежды, предназначенной для дороги, в том числе и верховых выездов. В основе новых «государевых ездовых занарядов»<sup>71</sup> находился укороченный кафтан с прямыми боковыми клиньями, которые были «сделаны поиному, чем у всех прочих; они вшиты вверху не в виде угла, а в виде сборок, расположенных по прямой растянутой линии» [Левинсон-Нечаева, 1954, с. 322]. Кафтан нового покроя, более чем прежде подчеркивающий талию расходящимися от нее мягкими складками, «придавал фигуре стройность и молодцеватость» [Левинсон-Нечаева, 1954, с. 308].

В царском гардеробе было несколько таких кафтанов, обозначенных в документах как «кафтаны ездовые с прямым клиньем»: один из бархата лимонного цвета, другой из рудожелтого сукна и еще два из рудожелтой обьяри. Еще один «кафтан ездовой теплый с прямым клиньем»

<sup>63</sup> Там же. С. 91.

<sup>64</sup> Там же. С. 239.

<sup>65</sup> Там же. С. 75.

<sup>66</sup> Там же. С. 164.

<sup>67</sup> Там же. С. 69.

<sup>68</sup> Там же. С. 135–136.

<sup>69</sup> Там же. С. 141.

<sup>70</sup> Цит. по: [Шагин, с. 25].

<sup>71</sup> Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. С. 2.

был построен из сукна светло-брусничного цвета, утеплен собольими «пупками» и украшен запонами<sup>72</sup>. Все эти одежды надевались Федором Алексеевичем в дороге к Троицкому богомолью в сентябре 1679 г. Новые кафтаны «с прямым клиньем» были более функциональны и удобны, чем близкие им конструктивно ездовые кафтаны времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

Все перечисленные виды одежды — терлик, тегилай, чуга и кафтан — относились к разряду среднего платья [Костомаров, с. 66]. Поверх них надевали верхние ездовые одежды, которыми были ездовые ферязи (ферези), представляющие собой более объемную разновидность ездового кафтана [Забелин, 2014, с. 983]. Главное отличие ездовой ферязи от простой состояло в ее богатом уборе, поскольку одежды, предназначенные для выезда, всегда украшались более богато. Нам известны ездовые ферязи Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, в чьем гардеробе их было достаточно; при Федоре Алексеевиче ездовые ферязи вышли из употребления.

Постепенная трансформация ездовой ферязи в сторону увеличения в объеме и особенно в ширине подола, необходимая для свободы движения в многослойной одежде, привела к выделению на основе ферязи ее особой формы, которая получила название ферезеи. Объемная и пышно украшенная, она надевалась поверх всех прочих одежд. Ее появление относят ко времени правления Алексея Михайловича, когда она получила значение очередной придворной униформы. В 1648 г. она известна как одежда для стольников, в кроильных книгах она появляется с октября 1654 г., в «Выходах государей царей...» — с сентября 1659 г. [Забелин, 2014, с. 983]. Мода на нее держалась не одно десятилетие: даже у Федора Алексеевича, который «не любил пышности ни в платье, ни в столе, ни в уборах» [Берх, с. 112], насчитывалось 27 обычных ферезей, 9 теплых и 10 холодных ферезей. Самой эффектной из всех, очевидно, была теплая ферезея из золотного венецианского бархата, затканного изображениями орлов<sup>73</sup>. Богатый декор ездовых одежд, выполненный с включением гербовых сюжетов и государственных символов, не оставляет сомнений в том, что они имели особый статус среди прочего царского платья. Великолепие одежд усиливало величие царского образа, а символические сюжеты, насыщенные гербовыми фигурами, наполняли одежды новым смыслом.

Завершая анализ, можно заключить, что в результате работы:

- уточнен предметный ряд, относящийся к мужским ездовым одеждам XVI–XVII в. и терминология, характеризующая этот ряд;
- выявлены и идентифицированы источники изучения вопроса;
- определена роль ездового костюма в формировании царского образа в России позднего Средневековья.

В целом можно утверждать, что, несмотря на относительное конструктивное и декоративное различие ездовых одежд XVI и XVII столетий, все они носят ярко выраженный репрезентативный характер и являются одной из наиболее эффектных форм презентации достатка, власти, воинского и царского достоинства. Драгоценные, как в прямом, так и в переносном смысле, одежды царя и его свиты служили одним из наиважнейших средств демонстрации силы государства и его правителя, способствовали выстраиванию иерархии власти, выступая как форма ее представления в вещно-предметном мире.

#### Литература

- Амелехина С. А., Бобровницкая И. А., Моршакова Е. А. Венчания на царство и коронации в Московском кремле: в 2 т. М., 2013. Т. 1.  
Базилевич К. В. Имущество московских князей в XIV–XVI веках // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 3. С. 1–52.

---

<sup>72</sup> Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей... С. 676–678.

<sup>73</sup> Там же. С. 675.

- Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. Труды ГИМ. М., 1928. С. 5–118.
- Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь: в 2 кн. М., 1912. Кн. 2. Государев двор. Дом Рюриковичей.
- Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. СПб., 1834. Ч. 1.
- Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1844.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению: в 34-х т. СПб., 1899. Ч. 1: Народная гражданская одежда, с 862 по 1700 год.
- Горелик М. В. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV – начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 244–269.
- Добродомов И. Г. Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках // Советская тюркология. 1979. № 5. С. 8–19.
- Жабрева А. Э. Боярский и дворянский костюм XVII века как феномен русской культуры // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1995. Вып. 4. С. 151–164.
- Жаринов Г. В. О происхождении так называемой «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича» // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 179–185.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Т. 1. Ч. 2.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014.
- Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1966.
- Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VII. С. 392–460. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov1/> (дата обращения: 20.12.2017).
- Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.
- Кусайнова Е. В. Служилое казачество в русско-ногайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 189–203.
- Левинсон-Нечаева М. Н. Золото-серебряное кружево XVII в. // Сборник статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 13. С. 167–190.
- Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков // Государственная оружейная палата Московского Кремля. Сб. научных работ по материалам Государственной оружейной палаты. М., 1954. С. 305–386.
- Летин С. А., Вилинбахов Г. В. Российская императорская гвардия. СПб., 2005.
- Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010.
- Николаев П. В. Парсуны всадников конца XVII в. Проблема атрибуции // Наука и школа. 2011. № 4. С. 123–128.
- Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 63–111.
- Репьева Э. Н. О некоторых тюркизмах в русском и украинском языках XV–XVI веков // Советская тюркология. 1976. № 5. С. 36–42.
- Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1891. Ч. 1. Десятни и Тысячная книга XVI века.
- Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 460–476.
- Чернов С. Э. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.

*Шапиро Б. Л.* Страшный суд Ивана Грозного: конь как ритуал и символ // Альманах Научно-образовательного культурологического общества России «Мир культуры и культурология». СПб., 2016. Вып. V. С. 110–116.

*Шиндлер О. В.* Классификация русских корпусных доспехов XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 417–486. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler> (дата обращения: 20.12.2017).